

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

По Н. В. Гоголю

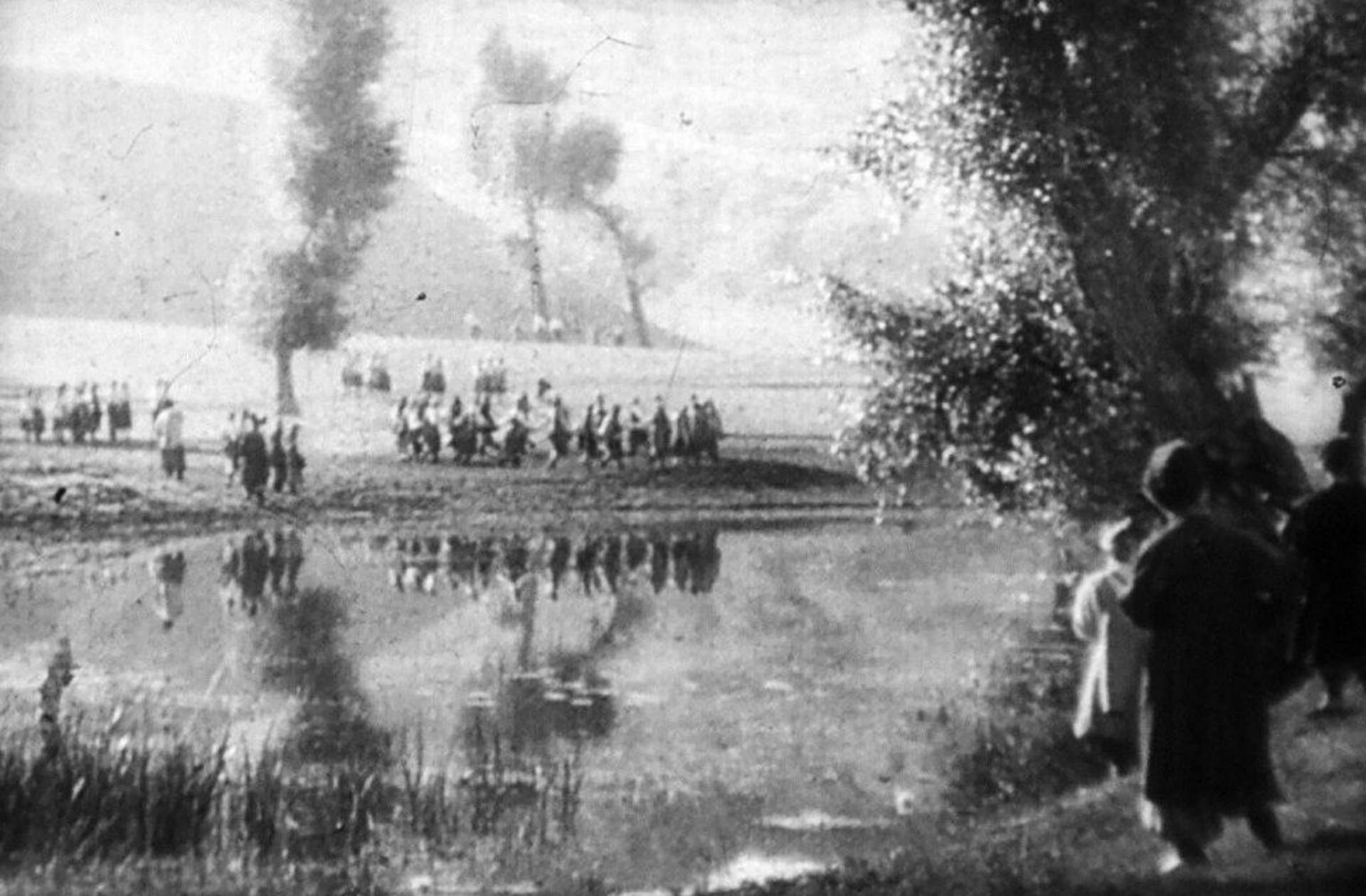
Диафильм в 2 частях

ЧАСТЬ 1

Производство фабрики „Диафильм“
1953 г.

Звонкая песня лилась рекою по улицам села. Было то время, когда утомлённые дневными трудами и заботами парубки и девушки...

**...шумно собирались в кружок выливать своё
веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем.**

Уже и сумерки; а песни всё не утихали.

С бандурою в руках пробирался ускользнувший от песельников молодой козак Левко, сын сельского головы.

Вот он тихо остановился перед дверью хаты. Чья же это хата? Чья это дверь?

Немного помолчавши, заиграл он и запел:
„Солнце нызенько, вечер близенько,
Выйды до мене, мое серденько!“

— Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица, — сказал козак, окончивши песню и приближаясь к окну: — Галю! Галю! ты спишь, или не хочешь ко мне выйти?

— Нет, ты не спишь, гордая дивчина! — проговорил он громче. — Тебе любо издеваться надо мною, прощай!

Дверь распахнулась со скрипом, и девушка на пороге семнадцатой весны, робко оглядываясь, переступила через порог.

– Какой же ты нетерпеливый! – говорила она ему
вполголоса. – Уже и рассердился! Зачем выбрал
ты такое время...

...толпа народу шатается то и дело по улицам...
Я вся дрожу...

—О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мне покрепче!— говорил парубок, обнимая Ганну.— Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько.

— Знаешь ли, что я думаю? — прервала его девушка. — Мне всё что-то будто на ухо шепчет, что вперёд нам не видаться так часто.

– Может... я надоел тебе? – тревожится Левко.
– О, ты мне не надоел, – молвила Ганна усмехнувшись. – Я тебя люблю, чернобровый козак!

— Пстой! полно, Левко! — отстранилась от него Ганна. — Скажи наперёд, говорил ли ты с отцом своим?

- Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замуж - говорил.
- Что же?
- Что станешь делать с ним? Притворился старый хрен,
по своему обыкновению, глухим...

Но не тужи, моя Галю! Вот тебе слово козацкое,
что уломаю его.

Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу.

- Я помню, будто сквозь сон, давно, давно, когда я ещё была маленькою... что-то страшное рассказывали про дом этот.

Левко, ты, верно, знаешь; расскажи!..
— Бог с ним, моя красавица! — ласково сказал Левко.
Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупый.

— Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубок!

– Ну, слушай. Давно, мое серденько, жил в этом доме сотник. У сотника была дочка, ясная панночка, белая как снег, как твоё личико.

Сотникова жена давно уже умерла; задумал сотник жениться на другой. Привёз сотник молодую жену в новый дом свой.

Хороша была молодая жена; только так страшно
взглянула на свою падчерицу,

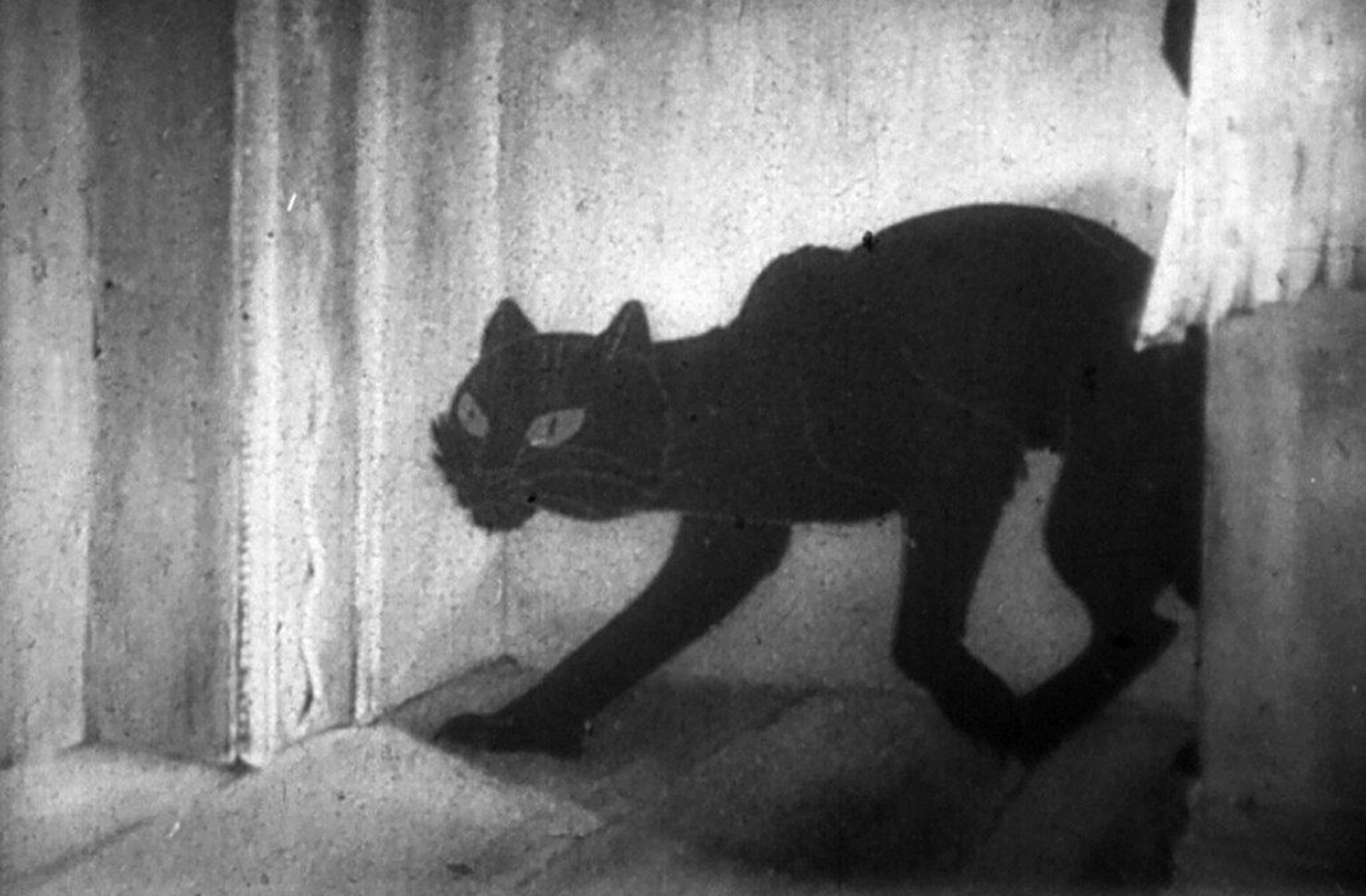
что та вскрикнула, её увидевши.

Настала ночь: ушёл сотник с молодою женой в свою опочивальню; заперлась и белая панночка в своей светлице. Горько сделалось ей; стала плакать.

Глядит панночка...

...страшная чёрная кошка крадётся к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу.

В испуге вскочила панночка на лавку: кошка за нею.

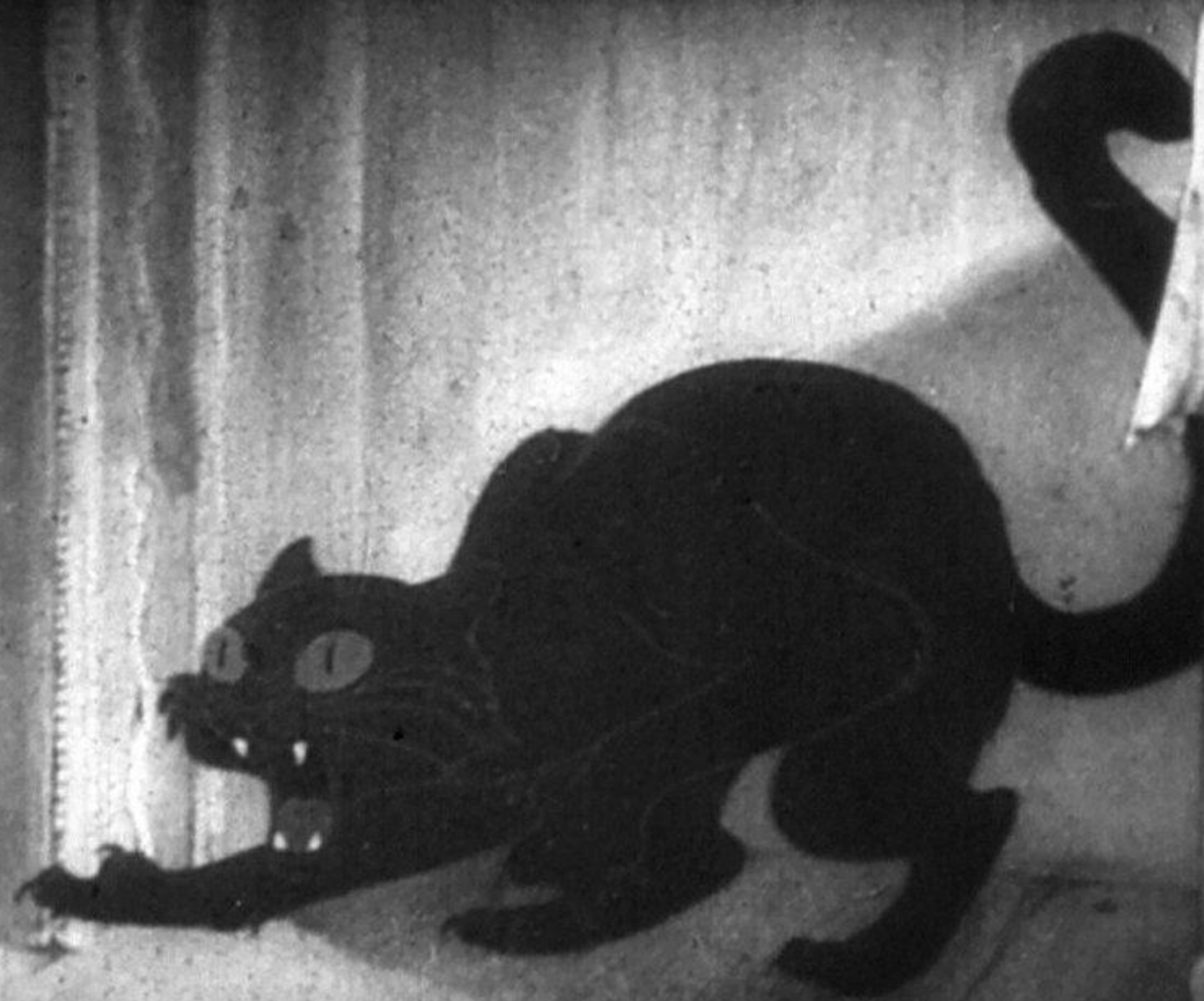
Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда...

...и вдруг бросилась к ней на шею и душит её.

С криком оторвавши от себя, кинула на пол;

опять крадётся страшная кошка.

На стене висела отцовская сабля. Схватила её панночка и бряк по полу – лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в тёмном углу.

Целых два дня не выходила из своей светлицы молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой.

Угадала бедная панночка, что мачеха её ведьма
и что она ей перерубила руку.

Приказал сотник своей дочке носить воду, мести хату и не показываться в панские покои.

Тяжело было бедняжке; да нечего делать: стала
выполнять отцовскую волю.

На пятый день выгнал сотник свою дочку босую из дому и куска хлеба не дал на дорогу.

Зарыдала панночка. – Погубил ты, батьку, родную
дочку свою! Погубила ведьма грешную душу твою!..

С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало её на свете...

A black and white close-up portrait of a woman with a serious expression. She is wearing a crown or headpiece made of many small flowers. Her hair is pulled back, and she is wearing a necklace with a large pendant. The background is dark and out of focus.

- А ведьма? - прервала Ганна.

– Ведьма? Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили, в лунную ночь, в панский сад греться на месяце; и сотникова дочка сделалась над ними главной.

В одну ночь увидела она мачеху свою возле пруда, напала на неё и с криком утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась: оборотилась под водой в одну из утопленниц.

Рассказывают ещё, что панночка собирает всякую ночь утопленниц и заглядывает поодиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма; но до сих пор не узнала.

Теперешний пан хоче строить на том месте вин-
ницу и прислал нарочно для того сюда винокура...

Всё дальше и дальше уходили они от уснувшего пруда.

– Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай об этих бабьих выдумках. – Сказавши это, он обнял её крепче, поцеловал и ушёл.

– Прощай, Левко! – говорила Ганна, задумчиво
вперив очи в тёмный лес.

Ночь опустилась на землю. Песни умолкли. Всё тихо.
Люди уже спят. Где-то только светятся узенькие окна.

– Да, гопак не так танцуется! То-то я гляжу, не клеится всё! А, ну: гоп трала! – Так разговаривал сам с собою подгулявший мужик, танцуя по улице.

— Вот одурел человек! добро бы ещё хлопец какой, а то старый кабан, — вскричала проходящая пожилая женщина. — Ступай в хату свою! Пора спать давно!

– Я пойду! – сказал, остановившись, мужик. – Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову... Я сам себе голова. Вот что, а не то что...

— Баба, отвори! — закричал он, подойдя к первой попавшейся хате. — Баба, живей, говорят тебе, отвори! Козаку спать пора!

— Куда ты, Каленик? Ты в чужую хату попал! — закричали, смеясь, позади его девушки. — Показать тебе твою хату?

– Вон твоя хата! – закричали они ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболее прочих, принадлежавшую сельскому голове.

На улице показалась толпа весёлых парубков.
— Нет, хлопцы, нет, не хочу!.. Как вам не надоест повесничать? Ложитесь лучше спать! — Так говорил Левко разгульным товарищам своим.

Внезапно парубки остановились у хаты Ганны.
До них донёсся тихий говор.

– Левко? Левко ещё молокосос! – говорил хрипло и вполголоса высокий человек Ганне. – Если я встречу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чуб...

Левко не мог уже более удержать своего гнева. Подошедши на три шага к незнакомцу, он замахнулся со всей силы, чтобы дать ему трюха...

...но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел, увидевши, что перед ним стоял отец его.

—Голова! голова! это голова!—закричали хлопцы
и разбежались во все стороны.

— Ай да батько! — говорил Левко, очнувшись от изумления и глядя вслед уходившему голове. — Посто́й же, старый хрен, ты у меня будешь знать, как отбивать чужих невест!

Гей, хлопцы!.. Я увещевал вас итти спать; но теперь
раздумал... Согласны ли вы побесить хорошенько
сегодня голову?

—Согласны! Согласны!— дружно закричали парубки.— Да если голову, то и писаря не минуть!

КОНЕЦ 1-й ЧАСТИ

Диафильм составлен по кинокартине „Майская
ночь, или утопленница“ производства киностудии
им. М. Горького

Диафильм составили А. А. Роу и А. Е. Ульяновцев
Консультант С. М. Петров
Редактор Т. В. Семибратова

Д-69-53

Сканировал Мишин Николай